

**анна
гавальда**

**я ее любил
я его
любила**

Французский роман

Анна Гавальда

Я её любил. Я его любила

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153181

Анна Гавальда. Я её любил. Я его любила: АСТ, Астрель, Харвест;

Москва; 2010

ISBN 978-5-17-107726-6

Аннотация

Это страшное слово – измена... Кто из нас способен, познав ее горечь, достойно ее пережить? Однажды зимним утром молодая парижанка по имени Хлоя узнает, что горячо любимый муж Адриан уходит к другой. Свекор Пьер внезапно принимает решение увезти ее и двух маленьких внучек в семейный загородный дом, надеясь, что там они придут в себя и поймут, как жить дальше.

К чему может привести откровенность с отцом человека, который тебя бросил? История Пьера – история его собственной измены, спасенного брака и до сих пор живой и горькой любви – заставляет Хлою задуматься: может быть, ее дочери будут рады иметь более счастливого отца?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Анна Гавальда

Я её любил. Я его любила

Посвящается Констансу

– Что ты сказал?

– Говорю, что немедленно их увезу. Им будет полезно ненадолго уехать...

– Но не сейчас же? – спросила моя свекровь.

– Прямо сейчас.

– Как? Ты же не собираешься...

– Именно что собираюсь.

– Да что все это значит, в конце-то концов? Сейчас почти одиннадцать! Пьер!..

– Сюзанна, я разговариваю с Хлоей. Хлоя, выслушай меня: я хочу увезти вас подальше отсюда. Ты не против?

– ...

– Полагаешь, это неудачная идея?

– Не знаю.

– Иди собирай вещи. Мы уезжаем, как только ты будешь готова.

– Я не хочу возвращаться к себе.

– Ну и не надо. Разберемся на месте.

– Но вы не...

– Хлоя, Хлоя, пожалуйста, доверься мне.

Свекровь не сдавалась:

– Что за безумие? Не станете же вы будить малышей, в такое-то время! В доме не топлено! Там ничего нет! Туда нельзя везти детей! Они...

Он встал.

* * *

Марион спит на детском сиденье, держа пальчик во рту. Рядом с ней, свернувшись калачиком, спит Люси.

Я смотрю на свекра. Он сидит прямо. Его руки крепко держат руль. Он не произнес ни слова с тех пор, как мы выехали. Время от времени фары встречных машин высвечивают его профиль.

Мне кажется, он так же несчастен, как и я. А еще он очень устал. И разочарован.

Он чувствует мой взгляд:

– Почему не спишь? Ты должна поспать, слышишь? Тебе надо опустить спинку и постараться заснуть. Нам еще ехать и ехать...

– Не могу, – отвечаю я, – вас сторожу.

Он улыбается в ответ. Если *это* можно назвать улыбкой.

– Да нет... часовой сегодня я.

И мы возвращаемся каждый к своим мыслям. И я плачу,

прикрыв лицо руками.

Мы остановились у заправки. Я пользуюсь его отсутствием, чтобы проверить сотовый.

Ни одного сообщения.

Естественно.

Какая же я дура.

Дура...

Включаю радио и тут же выключаю.

Он возвращается.

– Будешь выходить? Хочешь чего-нибудь?

Я киваю.

Ошибаюсь кнопкой, стаканчик наполняется какой-то тошнотворной жижей, и я отправляю его в урну.

В магазинчике покупаю памперсы для Люси и зубную щетку для себя.

Он не трогается с места, пока я наконец не соглашаюсь опустить спинку сиденья.

* * *

Я открыла глаза, когда он заглушил двигатель.

– Не суетись. Побудь с малышками здесь, пока в машине еще тепло. Я пойду в дом, включу обогреватели в вашей спальне, а потом вернусь за вами.

Снова вопрошаю свой телефон.

В четыре-то утра...

Какая же я дура!

Не могу уснуть.

Вместе с детьми лежу в кровати бабушки Адриана. Кровать ужасно скрипит. Когда-то она была нашей.

Занимаясь любовью, мы изо всех сил старались ее не раскачивать.

Весь дом был в курсе, стоило нам только пошевелить рукой или ногой. Помню намеки Кристин за столом, когда мы спустились вниз в первое утро. Никогда не забуду, как мы краснели, не поднимая глаз от своих тарелок и держась за руки под столом.

Мы хорошо запомнили урок и с тех пор предавались любовным утехам тихо, как мышки.

Я знаю, что он вернется в эту кровать с другой женщиной и, когда их терпению придет конец, он так же, как некогда со мной, сдернет толстый матрас на пол.

Нас будит Марион. Она прогуливает свою куклу по одеялу, рассказывая ей сказку о сбежавших сосках. Люси трогает меня за ресницы: «У тебя глазки склеились».

Мы одеваемся под одеялами, потому что в комнате слишком холодно.

Стенания кровати девочек смешат.

Свекор разжег в кухне камин. Я вижу его в глубине сада – он набирает дрова из поленницы под навесом.

Мы впервые остались с ним вдвоем.

Я никогда не чувствовала себя уютно в его компании. Он слишком бесстрастный. Слишком молчаливый. Да еще все эти рассказы Адриана о том, как пристально следил за ним отец, каким он был жестким, непримиримым, как легко выходил из себя, как придирался к школьным отметкам.

То же самое и с Сюзанной. Я никогда не замечала какой-либо нежности в их отношениях. «Пьер сдержан, но я знаю, *что* он чувствует ко мне», – сказала мне однажды свекровь, – мы лущили фасоль и говорили о любви.

Я тогда кивала, но не понимала. Я не понимала этого человека, столь скупого на эмоции, подавлявшего все свои чувства. Постоянно держать себя в узде из страха показаться слабым – этого я никогда не могла понять! В моей семье обниматься и целоваться было так же естественно, как дышать.

Помню один бурный вечер на этой кухне... Моя невестка Кристин жаловалась на учителей своих детей: мол, все они некомпетентные и ограниченные. Потом разговор перешел на образование вообще и их с Адрианом в частности. Обстановка мгновенно накалилась. Кухня превратилась в судилище, Адриан и его сестра – в обвинителей, а на скамье подсудимых – их отец. Как тяжело все это было... нет, бомба так и не взорвалась, язвили в меру – так, воткнули друг в друга пару-тройку отравленных шпилек.

Как всегда.

Впрочем, скандала все равно не получилось бы – мой свекор наотрез отказывался выходить на ринг. Он выслушивал колкости своих детей, но никогда на них не отвечал. «Все ваши обвинения отскакивают от меня, как мячик от асфальта!» – так он всегда говорил с улыбкой и удалялся.

Правда, в тот раз спор вышел более желчным.

У меня в памяти стоит его искаженное лицо и руки, с такой силой сжимающие графин с водой, словно он хотел его раздавить.

Я пыталась представить себе, что бы он мог сказать в ответ, пыталась понять. Что он чувствует на самом деле? О чем он думает, оставаясь один? Что у него на душе?

Выдохшаяся Кристин повернулась ко мне:

– А ты что обо всем этом скажешь, Хлоя?

Я устала, и мне хотелось, чтобы вечер поскорее закончился. С меня хватило этих семейных разборок.

– Я... – задумчиво начала я, – я считаю, что Пьер словно и не живет среди нас, не живет по-настоящему, он похож на марсианина, затерявшегося среди семейства Диппелей...

Все присутствующие пожали плечами и отвернулись. Кроме него.

Он поставил графин на стол, его лицо разгладилось, он улыбнулся мне. Так он улыбнулся мне в первый раз. И воз-

можно, в последний. Мне кажется, в тот вечер между нами возникло некое взаимопонимание... Эдакая тонкая ниточка. Я тогда попыталась защитить его, как могла, моего странного седого марсианина, который подходил сейчас к кухонной двери, толкая перед собой тачку с дровами.

* * *

– Все в порядке? Тебе не холодно?

– Все хорошо, спасибо, не беспокойтесь.

– А малышки?

– Они смотрят мультики.

– Мультки – в такое время?

– Во время каникул их показывают каждое утро.

– Ага... прекрасно. Ты нашла кофе?

– Да-да, спасибо.

– Кстати, Хлоя... По поводу каникул, ты не должна...

– Позвонить на работу?

– Да, впрочем, не знаю...

– Да-да, я позвоню, я...

Я снова заплакала.

Свекор опустил глаза. И снял перчатки.

– Прости, я вмешиваюсь не в свое дело...

– Да нет, не в том дело, я просто... Чувствую себя потерянной... Я... вы правы, пойду позвоню шефу.

– Кто он, твой начальник?

– Подруга, надеюсь, что подруга, сейчас увидим...

Я забрала волосы старой резиночкой Люси, которую нашла в своем кармане.

– Скажи, что берешь несколько дней отпуска, чтобы ухаживать за злобным свекром... – предложил он.

– Да... За злобным *и* беспомощным. Так будет убедительней.

Он улыбался, дую на кофе.

Лоры на месте не оказалось. Я пролепетала нечто невнятное ее помощнице, которую ждал вызов по другой линии.

Позвонила домой. Набрала код автоответчика. Ничего не значащие сообщения.

А на что я, собственно, надеялась?

Снова подступили слезы. Мой свекор вошел в комнату и тут же вышел.

Я говорила себе: «Давай, надо выплакаться раз и навсегда. Вылить все слезы, выжать, как губку, мое большое печальное тело и перевернуть страницу. Думать о другом. Идти вперед мелкими шажками и все начать с начала».

Мне повторяли эти слова сотни раз. Думай о другом. Жизнь продолжается. Вспомни о дочерях. Ты не имеешь права так распускаться. Встряхнись.

Да, я знаю, прекрасно все знаю, но поймите же вы – у меня не получается.

Во-первых, что это такое – жить? Что означает это слово?

Мои дети... но что я могу им дать? Маму в депрессии?
Перевернутый мир?

Я готова вставать по утрам, одеваться, завтракать, одевать и кормить дочерей, держаться до вечера, укладывать их и целовать на ночь. На это я способна. На это все способны. Но не более того.

Будьте ко мне милосердны.

Не более того.

– Мама!

– Да, – отвечаю я, вытирая нос рукавом.

– Мама!

– Я здесь, здесь...

Люси стояла передо мной в пальто, надетом прямо на ночную рубашку. В руках она крутила Барби, держа ее за волосы.

– Знаешь, что сказал дедушка?

– Что?

– Что мы пойдем в «Макдоналдс».

– Не верю!

– А вот и правда! Он сам сказал.

– Когда?

– Сейчас.

– Я думала, он ненавидит «Макдоналдс»...

– А вот и не ненавидит! Он сказал – мы пойдем за покупками, а потом в «Макдоналдс», все, даже ты, даже Марион, даже я и даже он!

Когда мы поднимались по лестнице, она взяла меня за руку.

– Знаешь, у меня совсем нет одежды. Мы все оставили в Париже...

– И верно, – согласилась я, – мы все там забыли.

– А знаешь, что еще сказал дедушка?

– Нет.

– Он сказал нам с Марион, что купит нам одежду, когда мы пойдем по магазинам. И мы сами все себе выберем...

– Да неужели?

Я переодевала Марион, щекоча ей животик.

Люси сидела на краю кровати и медленно, но неотступно подводила меня к главному.

– И он сказал, что согласен...

– На что?

– На все, что я у него попросила...

Беда!

– А что ты у него попросила?

– Одежду для Барби.

– Одежду для твоей Барби?

– Для Барби и для меня. Одинаковую!

– Ты имеешь в виду эти ужасные сверкающие майки?

– Да, а еще розовые джинсы, и розовые кроссовки с Барби, и носочки с маленькими бантиками... Вот здесь... Сзади...

Она показала место на лодыжке.

Я закончила с Марион.

– Замечаааательно! – воскликнула я. – Ты будешь непо-
вторримма!!!

Ее маленький ротик скривился.

– Тебе все красивое не нравится...

Я засмеялась и расцеловала ее чудную мордашку.

Она надевала платье и мечтала вслух:

– Я буду очень красивая, правда?

– Ты уже красивая, крошка, очень, очень красивая.

– Да, но тогда я буду совсем...

– Думаешь, такое возможно?

Она задумалась:

– Наверное, думаю, да...

– Тогда повернись.

«Девочки, какая же это прелесть, – думала я, причесывая

Люси, – какая прелесть...»

Пока мы стояли в очереди к кассам, мой свекор признался, что уже лет десять не был в супермаркете.

Я подумала о Сюзанне.

Вечно одна со своей тележкой.

Повсюду и всегда одна.

Наевшись нагетсов, девочки отправились играть в комнату, полную разноцветных шаров. Молодой человек попросил их снять обувь, и я держала на коленях чудовищные

крэссовки Люси «*You're a Barbie girl!*»¹.

Самым ужасным была прозрачная платформа...

– Как вы могли купить подобную мерзость!

– Ей они так понравились... Я стараюсь не повторять прежних ошибок с новым поколением...

Взять, к примеру, это заведение... Существой такое тридцать лет назад, я бы никогда не пришел сюда с Кристин и Адрианом. Никогда! А сегодня я спрашиваю себя, почему – ну почему! – лишал их удовольствия? Что мне стоило, в конце-то концов? Четверть часа пострадать? Да что такое пятнадцать минут в сравнении с пунцовыми от счастья лицами твоих дочек?

– Я все делал неправильно, – добавил он, качая головой, – даже этот несчастный сэндвич – и тот держу неправильно, ведь так?

Он закапал майонезом все брюки.

– Хлоя?

– Да?

– Я хочу, чтобы ты поела... Прости, что уподобляюсь Сю-занне, но ты ничего не ела со вчерашнего дня...

– Не могу.

Он сделал новую попытку.

– Да и кто бы смог съесть подобную мерзость?! Кто? Ну ответь. Кто? Да никто!

¹ Ты – Барби (англ.)

Я сделала попытку улыбнуться.

– Ладно, разрешаю тебе еще немного посидеть на диете, но уж вечером... Вечером я буду готовить ужин, и тебе придется меня уважить, поняла?

– Поняла.

– А то что это такое? И как прикажете есть эту пищу для космонавтов?

Он ткнул пальцем в подозрительный салат в пластиковом стакане.

* * *

Остаток дня мы провели в саду. Девочки порхали вокруг деда, который чинил для них старые качели. Я наблюдала за ними издали, сидя на ступеньках крыльца. Было холодно и ясно. У дочек волосы сверкали в солнечном свете, и они казались мне прехорошенькими.

Я думала об Адриане. Интересно, чем он сейчас занят?

Где он сейчас?

С кем?

И что теперь будет с нашей жизнью?

Каждый новый вопрос погружал меня все глубже в трясины отчаяния. Как же я устала... Закрыв глаза, представляла себе, что вот он появляется. Во дворе раздается урчание мотора, он садится рядом, обнимает меня, прикладывает палец к моим губам – хочет сделать сюрприз девочкам. Я ощу-

щаю его нежные прикосновения к моей шее, слышу его голос, чувствую жар его тела, запах кожи. Все как всегда.

Все как всегда...

Достаточно закрыть глаза.

Сколько времени помнишь запах человека, который тебя любил? А когда сама перестаешь любить?

Мне нужны песочные часы.

Когда мы обнимались в последний раз, я сама его поцеловала. Это было в лифте дома на улице Фландр.

Он позволил мне ласкать его.

Почему? Почему он позволил женщине, которую разлюбил, целовать себя? Зачем подставлял губы? Зачем обнимал?

Это же бессмысленно.

Качели починены. Пьер украдкой смотрит на меня. Я отворачиваюсь. Не хочу встречаться с ним взглядом. Мне холодно, во рту горечь, пора отправляться в ванную, чтобы нагреть воды для купания.

– Чем я могу вам помочь?

Он обвязал полотенце вокруг талии.

– Люси и Марион легли?

– Да.

– Они не замерзнут?

– Нет-нет, все в порядке. Лучше скажите, что мне делать...

– Можешь поплакать, а я не буду чувствовать угрызений

совести. Я буду счастлив, что в кои-то веки ты поплачешь просто так. На вот, возьми, нарежь это, – добавил он, протягивая мне три луковицы.

– Вы считаете, что я слишком много плачу?

– Да.

Молчание.

Я взяла деревянную доску, стоявшую у раковины, и устроилась напротив него. Он снова замкнулся. В камине потрескивали дрова.

– Я не то хотел сказать...

– Простите?

– Я имел в виду другое – я не считаю, что ты слишком много плачешь, просто я страшно огорчен. Ты такая хорошенькая, когда улыбаешься...

– Хочешь что-нибудь выпить?

Я кивнула.

– Подождем, пока вино немного согреется, не станем портить впечатление... А пока, может, налить тебе «*Bushmills*»?

– Нет, спасибо.

– Почему?

– Не люблю виски.

– Несчастливая! О чем ты говоришь! На вот, давай-ка попробуй...

Он поднес стакан к моим губам, и его виски показалось мне омерзительным. Я несколько дней ничего не ела и сразу

опьянела. Нож скользил по луковой шелухе, затылок отпустило. Сейчас отрежу себе палец. Мне было хорошо.

– Ну как, оценила? Это мне Патрик Френдалл подарил бутылку на шестидесятилетие. Ты помнишь Патрика Френдалла?

– Э-э... нет.

– Ну как же, ты видела его здесь, разве не помнишь? Огромный мужик с длиннющими руками...

– Тот, что подбрасывал Люси в воздух, пока ее чуть не стошнило?

– Точно, – подтвердил Пьер, подливая мне еще.

– Да, помню...

– Я очень его люблю и часто о нем думаю... Странно, но я считаю его одним из лучших друзей, хотя мы едва знакомы...

– А у вас есть лучшие друзья?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Да так... Просто... Откуда мне знать. Вы ведь никогда не говорили о своих друзьях.

Мой свекор старательно резал морковь кружочками. Всегда забавно наблюдать за мужчиной, который впервые в жизни готовит еду. Ох уж эта мне манера точно следовать рецепту, будто Жинетта Матио – верховная богиня кулинарного искусства!

– Здесь написано «нарезать морковь кружочками средней толщины». Думаешь, так нормально?

– Просто безукоризненно!

Я смеялась. Затылок был невесомым, и голова свободно болталась туда-сюда.

– Спасибо... Так на чем мы остановились? Ах да, на моих друзьях... Вообще-то у меня их было трое... Патрик, с которым я познакомился во время путешествия в Рим. Благодарительная поездка от прихода... Впервые без родителей... Мне было тогда пятнадцать. Я не понимал ни единого слова из того, что говорил этот ирландец в два раза выше меня ростом, но мы с ним сдружились мгновенно. Его воспитывали самые фанатичные католики на свете, я только-только выбрался из-под семейного пресса... Два щенка, отпущенные на свободу в Вечном городе... Всем паломникам паломничество!

Вспоминая, он и сейчас дрожал от возбуждения.

Он бросил в жаровню лук, морковку и копченую грудинку – пахло очень вкусно.

– А потом Жан Терон – ты его знаешь – и мой брат Поль, которого ты никогда не видела, потому что он умер в 56-м...

– Вы считали брата лучшим другом?

– Даже больше... Насколько я тебя знаю, Хлоя, ты бы в него просто влюбилась. Он был умный и забавный, внимательный к окружающим и всегда веселый. Он рисовал... Зав-

тра я покажу тебе его акварели, они у меня в кабинете. Он знал, как поют все птицы на свете. Любил подшутить, но всегда беззлобно. Он был очаровательный парень. Действительно очаровательный. Все его обожали...

– От чего он умер?

Мой свекор обернулся:

– Отправился в Индокитай. Вернулся оттуда больным и полусумасшедшим. Умер от туберкулеза 14 июля 1956 года.

– ...

– Как ты понимаешь, после этого мои родители больше никогда не смотрели военные парады. Балы и фейерверки для них тоже перестали существовать.

Он добавил мясо в жаркое и начал переворачивать куски, чтобы подрумянились.

– Хуже всего то, что он пошел добровольцем... Он тогда был студентом. Блестяще учился. Хотел работать в ONF². Любил деревья и птиц. Он не должен был туда ехать. Не было никаких на то причин. Никаких. Поль был человеком мягким, пацифистом, он цитировал Жионо³, он...

– Так почему же он поехал?

– Из-за девушки. Глупая любовная история. Да и какая там девушка – девчонка. Такая нелепость. Вот я тебе сейчас

² Office National des Forêts – Управление лесным хозяйством.

³ Жан Жионо (1895–1970) – французский писатель-прозаик, воспевавший красоту Верхнего Прованса.

рассказываю об этом и про себя всякий раз как подумаю, так ужаснусь – сколь же абсурдна наша жизнь. Отличный парень отправляется на войну из-за капризной девицы... Дикость! Такие сюжеты хороши для бульварных романов, для дешевых мелодрам!

– Она его не любила?

– Нет. А Поль с ума сходил. Он ее обожал. Он знал ее с двенадцати лет, писал ей письма, которые она вряд ли понимала. Он ушел на войну... из бахвальства. Чтобы она увидела, что он за мужчина! Накануне отъезда этот осел еще хорохорился: «Когда она попросит у вас мой адрес, сразу не давайте, я хочу написать ей сам, первым...» А она три месяца спустя обручилась с сыном мясника с улицы Пасси.

Он всыпал в жаровню с дюжину разных специй – все, что нашел в шкафчиках.

Не знаю, что подумала бы Жинетта.

– Этот тупой верзила целыми днями рубил мясо в подсобке отцовской лавки. Можешь себе представить, какой шок мы испытали. Променять нашего Поля на этого дурня! Пока Поль где-то там, на другом конце земли, мечтал о ней, сочинял стихи, она думала только о том, как проведет вечер со своим боровом, которому папаша-мясник позволял брать свою машину. Небесно-голубой «Фрегат», если не ошибаюсь... Конечно, она была вольна не любить нашего Поля, кто же спорит, но Поль всегда был такой восторженный, такой

пылкий, блестящий юноша. Вот ведь какая ерунда получилась...

– И что было потом?

– А ничего. Поль вернулся, а мама сменила мясника. Брат провел много времени в этом доме, почти не выходил. Рисовал, читал, жаловался на бессонницу. Тяжело болел, кашлял не переставая, а потом умер. В двадцать один год...

– Вы никогда об этом не говорите...

– Нет.

– Почему?

– Я любил говорить о Поле с людьми, которые его знали, так было проще...

Я отодвинула свой стул от стола.

– Я накрою. Где вы хотите ужинать?

– Здесь. В кухне очень уютно.

Он погасил верхний свет, и мы сели за стол друг против друга.

– Восхитительно.

– Правда? По-моему, слегка пережарено?

– Да нет же, поверьте, великолепно.

– Ты слишком добра.

– От вашего вина еще не так полюбреешь. Расскажите мне о Риме...

– О городе?

– Да нет, о том паломничестве... Каким вы были в пятнадцать лет?

– Ох... Ну каким я был... Самым глупым мальчишкой на свете. Пытался не отстать от Френдалла. Болтал без умолку, рассказывал ему о Париже, о «Мулен Руж», выдумывал богу знает что, врал напрапалую. Он смеялся, что-то отвечал, я не понимал и тоже смеялся. Мы проводили время, вылавливая монетки из фонтанов и глупо хихикая при виде любой особи женского пола. Сегодня мне кажется, что мы оба выглядели очень трогательно... Я совершенно не помню, по какому случаю было организовано тогда это паломничество. Но оно, безусловно, было чему-то посвящено, была у него, так сказать, благая цель и повод для молитвы... Не помню... Для меня Рим стал громадным глотком кислорода. Эти несколько дней изменили мою жизнь. Я открыл для себя вкус свободы. Это было... Тебе положить еще?

– С удовольствием.

– Не забывай, какое тогда было время... Мы делали вид, что выиграли войну. А на самом деле осталось одно разочарование. Стоило упомянуть кого-нибудь – соседа, продавца, родителей друга, – и мой отец немедленно заносил его в разряд доносчика или оговоренного, труса или никчемного существа. Это было ужасно. Тебе трудно представить, но поверь мне, для детей это было действительно ужасно... Кстати, мы с отцом практически не разговаривали... Так, для проформы, соблюдая минимум сыновнего почтения... Од-

нажды я все-таки спросил его: «Если все ваше человеколюбие оказалось столь никудышным, зачем же вы за него сражались?»»

– И что он ответил?

– Ничего... ответом было презрительное молчание.

– Спасибо, спасибо, хватит!

– Я жил на втором этаже мрачного серого здания где-то в глубине шестнадцатого округа. Унылое было место... Моим родителям явно не хватало средств на жизнь в таком районе, но шестнадцатый округ – это ведь так престижно, ты же понимаешь! Шестнадцатый округ! Мы ютились в убогой квартирке, в которую никогда не проникало солнце, и моя мать запрещала открывать окна, потому что внизу находилось автобусное депо. Она боялась, как бы занавески не закоптились... о-хо-хо, это замечательное бордо так развязало мне язык, чудеса, да и только! Я ужасно скучал. Я был слишком молод, чтобы интересовать отца, а мать порхала как бабочка.

Ее почти не бывало дома. «Время, отданное приходу», – говорила она, возводя глаза к небесам. Она из кожи вон лезла, поносила каких-то придуманных ею благочестивых дур, входя, устало снимала перчатки и бросала их, точно фартук, на консоль в прихожей, вздыхала, вертелась, трещала без умолку, лгала и путалась. Мы ей не мешали. Поль называл ее Сарой Бернар, а мой отец, стоило ей выйти из комнаты, возвращался к чтению «Фигаро», не утруждая себя комментариями... Еще картошки?

– Нет, спасибо.

– Я ходил на продленку в лицее Жансон-де-Сайи. И был таким же серым, как дом, в котором жил. Читал «Храбрые сердца» и увлекался приключениями Флэша Гордона. По четвергам играл в теннис с братьями Мортелье. Я... Я был очень благоразумным и совершенно неинтересным ребенком. Мечтал сесть в лифт и подняться до седьмого этажа, чтобы посмотреть... Тоже мне приключение... Подняться на седьмой этаж! Дурак дураком...

Я жил в ожидании Патрика Френдалла.

Я ждал свидания с Папой!

Он встал, чтобы поворошить дрова в камине.

– В общем... В той эскападе не было ничего революционного... Так, небольшая передышка. Я всегда считал, что... как бы это поточнее выразиться... что в один прекрасный день я освобожусь, «сорвусь с поводка». Но ничего подобного не произошло. Так и не произошло. Я остался благоразумным, благовоспитанным и неинтересным. К чему я все это тебе рассказываю? С чего это вдруг так разболтался?

– Просто я спросила...

– Ладно... Хотя это не причина! Я еще не надоел тебе своими ностальгическими воспоминаниями?

– Да нет же, совсем наоборот, мне очень интересно...

* * *

На следующее утро я нашла на кухонном столе записку: «Я только на работу и обратно».

В кофейнике был свежесваренный кофе, перед камином, на подставке, лежало огромное полено.

Почему он не предупредил меня о своем отъезде?

Какой странный человек... Похож на рыбу... Вечно уворачивается и всегда выскользывает из рук...

Я налила себе большую чашку кофе и выпила, стоя у кухонного окна. Смотрела на малиненок, суетившихся вокруг кусочков сала, которые девочки разложили накануне вечером на скамейке.

Солнце поднялось чуть выше изгороди.

Я ждала, когда дочки встанут. В доме было слишком тихо.

Хотелось курить. Вот идиотство, я бросила много лет назад! Бросила-то бросила, но жизнь есть жизнь... Вы проявляете чудеса стойкости, а потом однажды зимним утром плететесь по холоду четыре километра, чтобы купить пачку сигарет, или, например, любите мужчину, заводите с ним двоих детей и потом однажды зимним утром узнаете, что он от вас уходит, потому что полюбил другую. Говорит, что ему

жаль, что он ошибся.

Как по телефону: «Извините, я ошибся номером».

Пожалуйста, пожалуйста...

Мыльный пузырь.

На улице ветрено. Я выхожу, чтобы убрать сало.

Вместе с дочками смотрю телевизор. Я подавлена. Герои их мультфильмов кажутся мне глупыми и капризными. Люси злится, мотает головой, просит меня замолчать. А мне хочется поболтать с ней о Кэнди.

В детстве я обожала Кэнди.

Кэнди никогда не говорила о деньгах. Только о любви. Но я промолчала – что толку уподобляться глупышке Кэнди...

Ветер завывает все сильнее. Поход в деревню придется отложить.

Вторую половину дня мы проводим на чердаке. Девочки наряжаются. Люси машет веером перед лицом сестры:

– Вам жарко, госпожа графиня?

Госпожа графиня не может шевельнуться, слишком уж много надела шляп.

Мы сносим вниз старую колыбельку. Люси говорит, ее надо покрасить.

– В розовый цвет? – спрашиваю я.

– Как ты догадалась?

– Я очень умная.

Звонит телефон. Люси снимает трубку. Долго слушает, наконец спрашивает:

– Хочешь поговорить с мамой?

Немного погодя вешает трубку. Но к нам не возвращается.

Я помогаю Марион разобраться с колыбелькой.

Спустившись на кухню, нахожу дочь за столом. Сажусь рядом.

Мы смотрим друг на друга.

– А вы с папой когда-нибудь полюбите друг друга снова?

– Нет.

– Ты уверена?

– Да.

– Я так и знала...

Встав, она добавляет:

– Знаешь, что я еще хотела тебе сказать?

– Нет. Что?

– А то... что птички, они уже все съели...

– Правда? Ты точно знаешь?

– Ну да. Пойди сама посмотри...

Она обошла вокруг стола и взяла меня за руку.

Мы стоим у окна. Я и маленькая белокурая девочка в старом пластроне от смокинга и съеденной молью юбке. Ее «*You're a Barbie girl*» вдеты в прабабушкины ботинки. Моя материнская рука обнимает ее за плечи. Мы смотрим, как

деревья в саду сгибаются под ветром, и думаем, скорее всего, об одном и том же...

В ванной так холодно, что я боюсь высунуть плечи из воды. Люси намылила нам головы шампунем и придумывает потрясающие прически. «Смотри, мама! – взвизгивает она. – У тебя на голове рожки!»

Это я и без нее знаю.

Веселого тут мало, но я смеюсь.

– Почему ты смеешься?

– Потому что я глупая.

– А почему ты глупая?

Мы вытерлись, пританцовывая.

Надели ночные рубашки, носки, тапки, свитера, халаты, а поверх – снова свитера.

Потом мои пингвинята спустились вниз – поест супу.

Электричество вырубилось в том самый момент, когда слоненок Бабар баловался с лифтом универмага под разгневанным взглядом портье. Марион расплакалась.

– Подождите, сейчас я все исправлю.

– У-у-у-у-у...

– Прекрати, крошка Барби, ты расстроишь сестру.

– Не называй меня крошкой Барби!

– Тогда перестань.

Дело было не в переключателе и не в пробках. Ставни хлопали, двери скрипели и стонали, весь дом был погружен в

темноту.

Сестры Бронте, молитесь за нас!

Когда же наконец вернется Пьер?

Я стащила матрас девочек вниз, на кухню, – без электрического радиатора наверху они спать не могли. Обе были ужасно возбуждены и прыгали как блохи. Мы отодвинули стол и бросили их «походную кровать» на пол перед камином.

Я улеглась между ними.

– Мам, а Бабар? Ты не дорассказала...

– Тсс, Марион, тсс! Лучше смотри прямо перед собой.

Смотри на огонь! Он поведает тебе много интересного...

– Да, но...

– Тссс...

Они мгновенно заснули.

Я прислушивалась к шорохам в доме. В носу у меня щипало, и я терла глаза, чтобы не плакать.

Моя жизнь похожа на эту кровать, думала я. Хрупкая. Зыбкая. Подвешенная.

Я все ждала, что дом вот-вот сорвется и улетит прочь.

Я думала о том, что теперь я брошенная женщина.

Забавно, как некоторые образные выражения оказываются не просто образными. Ведь нужно хоть однажды сильно испугаться, чтобы понять, что такое «холодный пот», или

серьезно поволноваться, чтобы осознать, каково оно, когда «сосет под ложечкой». Разве не так?

«Брошенная женщина» – то же самое. И кто только такое придумал?

Бросить за борт.

Оторвать и бросить.

А самому сняться с якоря.

Выйти в открытое море, расправить крылья и предаваться любви на других широтах.

И правда, лучше не придумаешь...

Я становлюсь злобной, это хороший признак. Еще несколько недель – и я подурнею.

Тебе кажется, что ты бросил якорь, – но это ловушка. Ты принимаешь решения, берешь на себя обязательства, получаешь кредиты, ну и рискуешь, конечно. Покупаешь дома, селишь малышей в розовые детские, и каждую ночь спишь в объятиях супруга. И радуешься... Как это у нас говорилось?.. Радуешься *согласию*. Да, именно так мы говорили, когда были счастливы. И даже когда уже не были...

Ты считаешь, что имеешь право на счастье – и это тоже ловушка.

Какие же мы все идиоты! Надо же быть столь наивными, чтобы хоть на секунду поверить, будто мы держим под контролем свою жизнь.

Она выходит из-под контроля, но это не страшно. И даже не очень интересно...

В идеале все же было бы узнавать об этом пораньше.

Насколько «пораньше»?

Пораньше.

До того, как начнешь перекрашивать комнаты в розовый цвет, например...

Пьер прав – зачем проявлять слабость?

Чтобы били больнее?

Моя бабушка часто говорила: чтобы муженька при себе удержать, надо потчевать его всякими вкусностями. Это не про меня, бабуля, не про меня... Во-первых, я не умею готовить, а во-вторых, мне никогда никого не хотелось удерживать.

Что ж, ты своего добилась, девочка моя!

Я наливаю себе коньяку, чтобы отпраздновать.

Поплакать – и баиньки.

Следующий день показался мне очень длинным.

Мы отправились гулять. Кормили лошадок хлебом в конно-спортивном центре и провели там уйму времени. Марион каталась на пони. Люси не захотела.

Мне казалось, что я тащу на себе тяжелый рюкзак.

Вечером был спектакль. Мне везет, у меня дома что ни день, то спектакль. На сей раз в программе значилось: *Ма-*

ленькая девочка, которая не хотела уходить. Они очень старались меня развлечь.

Я плохо спала.

На следующее утро сердце у меня ныло. На улице было слишком холодно.

Девочки все время хныкали.

Я попыталась развлечь их игрой в первобытных людей.

– Вот смотрите, как первобытные люди готовили свой «Несквик»... Ставили кастрюльку с молоком на огонь, да, вот так... Тост? Нет ничего проще, кладем кусочек хлеба на решетку над огнем и – опля-ля! Внимание! Тут не зевай, иначе обуглится. Кто хочет поиграть со мной в первобытных людей?

Увы, моим девочкам было плевать на игру, есть они не хотели. А хотели смотреть треклятый телевизор.

Я обожглась, вскрикнула, Марион заплакала, а Люси разлила какао на диван.

Я села и взялась руками за голову.

Мне хотелось ее отвинтить, положить перед собой на пол и точным ударом ноги отправить ее как можно дальше.

Так далеко, чтобы ее больше никто и никогда не нашел.

Но я и по мячу-то бить не умею.

Наверняка бы промахнулась.

В этот момент появился Пьер.

Он был огорчен, что не мог со мной связаться, потому что на линии случился обрыв, и потряхивал пакетом с горячими круассанами перед носом девочек.

Они смеялись. Марион пыталась схватить его за руку, а Люси предлагала выпить первобытного кофе.

– Первобытного кофе? Да с удовольствием, дорогая Малышка Хрустик!

У меня от этой сцены на глаза навернулись слезы.

Он положил мне руку на колено:

– Хлоя... Все в порядке?

Мне хотелось ответить – нет, совсем не в порядке, но я была так рада его видеть, что соврала.

– У булочницы есть свет, значит, это не авария на линии. Схожу взглянуть... Эй, девчонки, смотрите, какая чудесная погода на улице! Одевайтесь, мы идем по грибы. Вчера был такой дождь, мы найдем кучу грибов!

В число «девчонок» он включил и меня... Хихикая, мы поднялись по лестнице наверх.

Как же это здорово, когда тебе восемь лет.

Мы дошли до Мельницы Дьявола. Мрачное строение, которое с незапамятных времен облюбовала детвора.

Пьер объяснял девочкам происхождение отверстий в стене:

– Вот это – от удара рогом... а вот там – отметины от его копыт...

– А почему он бил копытами в стену?

– О, это длинная история... Просто в тот день он сильно нервничал...

– А почему он нервничал?

– Потому что его пленница сбежала.

– А кто была его пленница?

– Дочка булочницы.

– Дочь госпожи Пеко?

– Да нет же, господи! Скорее, ее прапрабабушка.

– Что???

Я показала девочкам, как сервировать кукольный обед в желудевых шапочках. Мы нашли пустое птичье гнездо, камни и шишки. Рвали кукушкины слезки, наломали орешника. Люси набрала мха для своих куколок, а Марион не слезала с дедушкиных плеч.

Мы принесли домой два гриба. Оба более чем подозрительные!

На обратном пути мы слушали пение дрозда, а удивленная маленькая девочка все спрашивала:

– Но почему дьявол забрал бабушку мадам Пеко?

– Не догадываешься?

– Нет.

– Да потому, что он любил вкусно поесть!

Она била палкой по зарослям папоротника, чтобы про-

гнать демона.

А кого поколотить мне?

* * *

– Хлоя...

– Да?

– Я хотел тебе сказать... Надеюсь... Вернее, я хотел бы... Да, хотел бы... Хотел бы, чтобы ты приезжала в этот дом, потому что... Я знаю, что ты его очень любишь... Здесь многое сделано твоими руками... В комнатах... И в саду... До тебя здесь не было сада, помнишь? Обещай, что вернешься. Одна или с девочками...

Я повернулась к нему:

– Нет, Пьер. Вы прекрасно знаете, что нет.

– А как же твой розовый куст? Как он называется? Тот куст, что ты посадила в прошлом году...

– Бедро испуганной нимфы.

– Ну да, ну да. Ты так его любила...

– Да нет, мне просто нравилось название... Послушайте, мне и так очень непросто...

– Прости меня, прости.

– Надеюсь, вы его не бросите, правда?

– Еще бы! Бедро испуганной нимфы... Куда от него денешься?

Он немного переигрывал.

На обратном пути мы встретили старого Марселя – он возвращался из поселка. Велосипед его опасно вилял. Каким чудом ему удалось затормозить прямо перед нами, не свалившись, мы никогда не узнаем. Он усадил Люси на седло и предложил нам зайти к нему на огонек.

Госпожа Марсель обцеловала девочек с головы до ног и усадила их перед телевизором с пакетом конфет на коленях. «У нее тарелка, мама! Представляешь! Целый канал мультфильмов!»

Ура, ура, ура!

Отправиться на край света, продирается сквозь заросли кустарника, перепрыгивать через изгороди и канавы, набивать шишки и, даже не задержавшись во дворе старого Марселя, усесться перед телевизором, поедая малину «Тагада»!

Иногда жизнь просто великолепна...

Буря, коровье бешенство, Европа, охота, мертвые и умирающие... В какой-то момент Пьер спросил:

– Скажите, Марсель, вы помните моего брата?

– Кого? Поля? Конечно, я помню этого маленького грязнулю... Сводил меня с ума, свистел на все лады. На охоте дурачил меня, как хотел! Изображал птиц, которые у нас даже не водятся! Маленький негодяй! А собаки-то как бесновались! Да уж, как вспомню... Хороший был мальчуган... Часто приходил в лес с отцом... Все хотел увидеть, требовал,

чтобы ему все объясняли... О-хо-хо... Сколько же вопросов он задавал! Заявлял, что будет учиться, чтобы потом работать в лесу. Помню, отец ему говорил: «Но тебе и учиться не нужно, мальчик мой! Разве учителя знают больше меня?» А он отвечал, что хочет увидеть все леса на свете, посмотреть нашу страну, прогуляться от Африки до России, а потом вернуться сюда и все нам рассказать.

Пьер слушал, тихонько кивая: ему хотелось, чтобы Марсель все говорил и говорил.

Мадам Марсель встала и вышла, а вернувшись, протянула нам блокнот с рисунками.

– Вот это маленький Поль – я так говорю, потому что он тогда был совсем маленьким, – подарил мне однажды, чтобы отблагодарить за оладьи с акациевым сиропом. Смотрите, это он моего пса рисовал.

Она перелистывала страницы, и мы восхищались изображениями маленького фокстерьера, явно ужасно избалованного и капризного.

– Как его звали? – спросила я.

– У него не было имени, мы просто все время говорили «Куда он подевался?», потому что он все время исчезал... Потому и погиб... Ох... Как же мы его любили... Даже слишком, даже слишком... Давненько я не смотрела эти рисунки. Стараюсь их подальше держать, слишком много лю-

бимых покойников с ними связано...

Рисунки были чудесными. «Куда он подевался» был фоксиком шоколадного цвета с длинными черными усами и густыми бровками.

– Его пристрелили... Пугал браконьеров, дурачок...

Я встала, надо было возвращаться, пока окончательно не стемнело.

* * *

– Брат умер из-за дождя. Потому что его командиры слишком долго держали его под дождем. Представляешь?

Я ничего не ответила, глядя под ноги и стараясь не ступить в лужу.

Девочки отправились спать без ужина. Переели конфет.

Бабар покинул Старую Даму. Она осталась одна. Она плачет: «Когда же я снова увижу моего маленького Бабара?»

Пьер тоже выглядит несчастным. Он долго оставался у себя в кабинете – якобы искал рисунки брата. Я приготовила ужин – сварила спагетти к потрошкам, приготовленным Сюзанной.

Мы решили уехать на следующий день, после полудня. И так, я в последний раз суетилась на этой кухне.

Я ее очень любила, эту кухню. Бросила макароны в кипящую воду, проклиная свою чувствительность. «Я очень любила эту кухню...» Эй, мамаша, найдешь другие...

Я ругала себя, а к глазам подступали слезы... Полный идиотизм.

Он положил на стол маленькую акварель. Читающая женщина, вид со спины.

Она сидела на садовой скамейке. Чуть наклонив голову. Возможно, она не читала, а спала или мечтала.

Дом был узнаваем. Ступеньки крыльца, скругленные ставни и белая глициния.

– Это моя мать.

– Как ее звали?

– Алиса.

– ...

– Это тебе.

Я хотела возразить, но он сделал большие глаза и приложил палец к губам. Пьер Диппель – человек, который не любит, когда ему возражают.

– Вы всегда требуете полного подчинения?

Он меня не слушал.

– Кто-нибудь когда-нибудь осмеливался вам возражать? – добавила я, ставя рисунок Поля на каминную доску.

– Не кто-нибудь. И всю жизнь.

Я прикусила язык.

Он встал, опираясь на стол.

– Ладно... Что выпьешь, Хлоя?

– Чего-нибудь веселящего.

* * *

Он поднялся из погреба с двумя бутылками, прижимая их к груди, как младенцев.

– «Шато Шас-Сплин»⁴... Очень к месту, согласишься... Именно то, что нам нужно. Я взял две – одну для тебя, другую для себя.

– Вы с ума сошли! Надо оставить их для более торжественного случая...

– Более торжественного, чем что?

Он пододвинул свой стул поближе к камину.

– Не знаю... Чем я... Чем мы... Чем этот вечер.

– Но сегодня по-настоящему торжественный случай, Хлоя. Я приезжаю в этот дом с самого детства, я тысячи раз ел на этой кухне, и уж поверь – умею распознавать торжественные случаи!

⁴ Игра слов: Chasse-Spleen по-французски – «Прогони хандру».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.